

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

NIKOŁAJ IWANOW. ZAPOMNIANE LUDOBÓJSTWO. POLACY W PAŃSTWIE STALINA. “OPERACJA POLSKA” 1937–1938. KRAKÓW: ZNAK HORYZONT, 2014, 445 S.

НИКОЛАЙ ИВАНОВ. ЗАБЫТЫЙ ГЕНОЦИД. ПОЛЯКИ В ГОСУДАРСТВЕ СТАЛИНА. “ПОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ” 1937–1938. КРАКОВ: ЗНАК ГОРИЗОНТ, 2014, 445 С.

Читатели, заинтересованные расширением знаний в области истории политических репрессий с большим интересом, приняли публикацию профессора Николая Иванова. Автор Николай Иванов является профессором Института политологии Опольского университета и Центра исследований Восточной Европы Варшавского университета, исследователем истории поляков в СССР и репрессий против них в сталинский период. Результаты своих многолетних исследований он представил, в книге “Забывтый геноцид. Поляки в государстве Сталина. “Польская операция” 1937–1938”. Этот фрагмент истории поляков был одним из самых неизвестных, малоизученных в историографии.

Структура книги отвечает всем требованиям предъявляемым к научной публикации. Автор систематизировал содержание работы на три раздела (1 – Поляки в СССР; 2 – “Большой террор” и поляки; 3 – “Польская операция”), что способствовало четкому восприятию текста публикации. Книга завершается тремя дополнениями (А, В, С), которые заслуживают особого внимания с методологической перспективы. Необходимо отметить обширную источниковедческую базу исследования, которая опирается на редких источниках ряда национальных архивов (Польши, Украины, Беларуси,

России). В книге размещены многочисленные архивные фотографии.

Как подчеркивает Николай Иванов, репрессиям подвергались в годы массового террора представители более 60 национальностей (немцы, поляки, латыши, греки, финны, китайцы, болгары, румыны, иранцы и др.) проживающих в пределах СССР [с. 277–279].

“Польская операция” была делом уничтожения в первую очередь жителей национальных польских приграничных районов с Польшей (так называемых “дальних Кресов”), а также поляков, проживавших в других районах СССР. Преступление было совершено по приказу № 00485 от 11 августа 1937 года, подписанного руководителем НКВД Николаем Ежовым. Никаких разрядок по национальным операциями, в отличие от “кулацкой” операции, не давалось: местным органам НКВД предоставлялась свобода действий. Операция длилась с августа 1937 года по ноябрь 1938 года; она охватила практически всю территорию СССР, прежде всего Украину и Беларусь, но также и г. Ленинград, г. Москву, Сибирь, Северный Кавказ. Была уничтожена элита польского народа в СССР и потомки аристократических семей (адвокаты, профессора, врачи, инженеры, военачальники, духовенство). Трагическая судьба не обошла стороной также обычных крестьян польской национальности. Это была последовательная политика деполонизации так называемых “дальних Кресов”, которые должны были навсегда утратить польский характер.

Хелена Трыбэль (мать премьера-министра Украины Юрия Еханурова с сентября 2005 по август 2006 гг.), одна из последних живущих свидетелей “катастрофы советских поляков”, то, что случилось с польским народом в СССР в период между двумя мировыми войнами, беседуя с Николаем Ивановым назвала это событие “польским холокостом”. С ее слов “быть поляком в СССР в 1938 г. это не меньше того, что быть евреем в III Рейхе” [с. 15]. В 1938 г. ее отец был обвинен в шпионаже в пользу Польши. Приговор мог быть только один – смертная казнь. Вся семья была депортирована в Якутию, где в трудных климатических условиях выжили лишь немногие.

По мнению автора Польша была выбрана идеальным пугалом для разжигания террора, а также выполнения “чисток”, особенно после поражения большевиков в Советско-польской войне в 1920 году. Все это свидетельствует, по его мнению, о подготовке Сталина к войне с Польшей уже в начале 30 годов XX века. Польша в советской пропаганде была главным союзником империализма, который рано или поздно собирается напасть на СССР. Значит, надо было очистить приграничную полосу, где преимущественно проживали поляки (Мархлевский польский национальный район – национальный район в составе Украинской ССР, существовавший в 1925–1935 годах и Дзержинский польский национальный район – национальный район в составе Белорусской ССР, существовавший в 1932–1937 годах). Сотрудники НКВД постоянно докладывали Сталину, что многие поляки лояльны по отношению к Польше, посещают родственников в Польше, общаются с представителями польского консульства в СССР, часто ходят в костел, читают польскоязычную прессу, слабо интегрируются в советское общество и т. д.

Как отмечает автор, приказ № 00485 от 11 августа 1937 г. затрагивал все польское общество. У НКВД была свобода действия в принятии решений. Сама польская национальность стала основанием для преследований и безосновательных, часто абсурдных обвинений. Предполагаемым руководителем польского антисталинского подполья и одновременно главным польским агентом в Советском Союзе был назван Иосиф Уншлихт, что свидетельствовало о том, что Сталин ни перед чем не остановится и допускает применение любых методов в ходе “польской операции”. Уншлихт хорошо знал Ленина, был представителем элиты польских коммунистов в Советском Союзе и близким другом – Феликса Дзержинского. После смерти Дзержинского, Уншлихт был главным польским коммунистом в советском партийном аппарате. По данным автора доля польских коммунистов составляла 5–8 % среди всех репрессированных поляков [с. 217]. Среди главных польских коммунистов были уничтожены: Томаш Домбаль, Бронислав Скарбек, Станислав Лещчинский-Ленский и др.

Согласно Н. Иванову в 1937 году в Советском Союзе ни один молодой мужчина в возрасте 25–35 лет, у которого в паспорте была указана польская национальность, не имел каких-либо шансов остаться в живых. Единственным выходом мог быть только побег в лес или попытка незаконно перейти советско-польскую границу, что редко кому удавалось. Зачастую рядовые сотрудники НКВД стараясь выполнить в срок план по арестованным полякам, брали телефонную книжку или книгу записи актов гражданского состояния и искали польские фамилии [с. 20]. Для выполнения планов “польской операции” были арестованы не только поляки, но и большое количество украинцев, белорусов, которые под пытками оговаривали себя и признавались польскими-шпионами. Среди наиболее распространенных методов физического воздействия на арестованных были: “конвейерный допрос” (от 24 до 48 часов в присутствии нескольких сменяющихся следователей); “карцеры” (содержание арестованных в очень холодных или душных помещениях); пытки запретом сна; содержание

арестованных в наручниках сзади за спиной в течении недели; стояние на коленях с поднятыми вверх руками [с. 284]. Сталин не скрывал своего удовлетворения результатами реализации первого этапа “польской операции”. На полях рапорта Николая Ежова собственноручно написал: “Очень хорошо! Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР” [с. 283]. Эти слова указывают на то, что Сталин прекрасно осознавал огромное значение “польской операции”.

В ходе “польской операции” судьбу обвиненного решала специальная комиссия, состоящая только из двух человек: руководителя местного НКВД и прокурора. В рамках “польской операции” предложения по мере осуждения должны были передаваться в форме “альбомов” так называемой центральной “двойке” в Москву. Их получали генпрокурор СССР Андрей Вышинский (поляк по национальности) и руководитель НКВД Николай Ежов или их заместители. Масштаб “Большого террора” однако был так велик, что ни один из них не был в состоянии ознакомиться с сотнями “альбомов”, присылаемых со всей страны. Перед окончательным утверждением приговоров к работе над “альбомами” были привлечены другие начальники отделов НКВД, их заместители и помощники, а также сотрудники низших должностей. Большинство из них считало это поручение дополнительной нагрузкой и механически одобряло пришедшие с мест рекомендации. Предложения изменения приговора или вопросы случались крайне редко. “Альбомы” переписывали и подавались на подпись Ежову и Вышинскому, которые никогда не оспаривали приговоров. Это означает, что регион, в котором проводились аресты в рамках “национальных операций”, посылал эти “альбомы” в Москву, где утверждалась предлагаемая мера наказания: “расстрел” или “заключение на срок 10 лет лагеря”, потом “альбомы” отсылались обратно, а далее приговор приводился в исполнение [с. 286]. 15 сентября 1938 г. Политбюро приняло решение из-за загруженности центрального аппарата НКВД “альбомами” утверждать приговоры на местах (“тройками”), без согласования с Москвой [с. 288].

Следует обратить внимание на еще один аспект этой операции: репрессиям были подвержены также семьи осужденных поляков. Приказ № 00486 “Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины” Николай Ежов утвердил на четвертый день после того, как в местные органы НКВД было передано решение о начале “польской операции”. Согласно этому приказу, в том числе и жены осужденных “польских шпионов” должны были быть арестованы и приговорены к 5–8 годам лишения свободы, независимо от того, знала женщина о контрреволюционной деятельности своего мужа или нет. Предписывалось проводить аресты даже бывших жен, которые знали о подрывной деятельности мужа, но не донесли на него. Исключением были женщины, сами донесшие на мужей и доносы которых стали основанием к аресту их мужей [с. 289]. Про репрессии детей, в том числе и польских, можно прочитать в приказе № 00486 следующее: “Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или направлению в детские дома особого режима” [с. 290–291].

Надо обратить внимание на то, что во время “национальных операций”, процент приговоренных к высшей мере наказания было намного больше. В “польской операции” он был самый высокий – около 80 %. В таблице “Жертвы “польской операции” 1937–1938 автор указывает в процентном соотношении долю лиц приговоренных к смертной казни по регионам СССР : Беларусь – 89%, г. Ленинград – 89 %, Украина – 81 %, Сибирь и Дальний Восток – 84 %, Средняя Азия и Казахстан – 73 %, Урал – 71 %, г. Москва – 65 %, Европейская часть

России – 64 %, Северный Кавказ – 61 %, Кавказ и Закавказье – 51 %. Отдельной строкой шли поляки работники железной дороги – 58 % [с. 392].

В общей сложности было репрессированно 142 211 поляков, из них убито 111 091 чел, тюремные сроки 3–10 лет получило 28 744 чел. Как отмечает автор, количество репрессированных может отличаться у ряда исследователей (например Никита Петров и Арсений Рогинский указывают число репрессированных 118–123 тыс.чел, в тоже время Томаш Соммер указывает 240–280 тыс. чел. включая поляков которых насильно переселяли, жертв “кулацкой операции” и по иным репрессивным мероприятиям НКВД). По мнению Николая Иванова, можно однозначно оценить количество жертв в 200 000 человек, что позволяет говорить о геноциде в отношении поляков [с. 393].

Надо обратить внимание на то, что акты репрессий, проводимые в рамках большого террора, почти всегда оканчивались обвинением всех их исполнителей и их физическим уничтожением. Автор обратил внимание на то, что сотрудники НКВД, массово убивавшие поляков, сами были потом убиты своими же подчиненными, а среди них было в том числе пять генералов НКВД, поляков по национальности (Станислав Реденс глава НКВД в Казахстане, Ромуальд Пиляр глава НКВД в Саратовской области и его заместитель Игнатий Сосновский, Вячеслав Домбровский глава НКВД в Калининской области, Станислав Пинтал глава регионального отдела НКВД в Южноказахстанской области) [с. 370].

В конце 1938 г. Сталин понял, что страна задыхается от террора, а всемогущество НКВД может угрожать коммунистической партии и ему самому лично. Поэтому он решил ограничить масштаб террора и окончательно завершить “польскую операцию”. Глава НКВД Николай Ежов и все его заместители попали в тюрьму. Они были признаны виновными во множественных злоупотреблениях (пытках, фабрикация признаний арестованных и. т. д.) во время следственно-оперативных мероприятий и были приговорены к расстрелу [с. 385].

Были ли у Сталина личные причины так жестоко преследовать поляков? Можно ли объяснить польскую трагедию только его предубеждением к польской национальности и культуре? По мнению автора, даже если у Сталина имелись такие предубеждения, неприязнь к полякам играла здесь второстепенную роль. Главенствующей для него идеей была победа коммунизма. Будучи прагматиком, ему пришлось подавить в себе все антипольские чувства и руководствоваться только интересом режима. Важную роль играло использование репрессий в построении отношений с Польшей. Для Сталина врагом, который уничтожался в рамках “польской операции”, были не поляки, а Польша. По мнению Сталина, Польша планировала вооруженную агрессию против советского строя, каждый поляк это враг СССР об этом также уверяла советских граждан советская пропаганда. Вот как выглядели основные лозунги: “Польша – потенциальный агрессор”; “Польша вооруженная Англией и Францией ждет как напасть на СССР”; “Агрессия – это для Польши единственный выход из кризисной ситуации в собственной стране”; “Польский фашизм – главная угроза СССР”. Подобные тенденции советской пропаганда проявлялись в межвоенный период. Ведущие советские карикатуристы изображали картину Польши как страну всеобщего голода, безграмотности, безработицы, проституции и острых социальных конфликтов [с. 176–177]. Николай Иванов отмечает, что мы должны восстановить память об этом трагическом преступлении. Оно не должно быть забыто. Польский крестьянин из-под Минска или Бердычева, который погиб в ходе “польской операции”, является такой же жертвой тоталитаризма, как и польский офицер, убитый в Катыни. Мы должны почтить память и одного, и другого [с. 23]. Надо задуматься, почему мир молчал, когда проводилась “польская операция”, почему не отреагировало решительно польское

государство, почему только теперь, после многих лет, мы пытаемся докопаться до истины и установить все факты, связанные с этим страшным геноцидом. Сегодня, спустя 80 лет после совершения этого преступления, мы должны принять решение о том, как чтить память жертв. Что мы можем сделать, чтобы десятки тысяч поляков, убитых только из-за своей национальности, не были забыты?

Владимир Петров
(Польша)